

Василий Карасев

Ледяная дорога в Миктлан

Городская повесть-фэнтези

Василий Карасев
Ледяная дорога в Миктлан.
Городская повесть-фэнтези

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390902
ISBN 9785448530548

Аннотация

Мерк неторопливо прошелся по комнате, остановился у окна – с четвертого этажа двор оказался как на ладони – и попытался сосредоточиться на своих ощущениях. Ничего. Острые маленькие иголки защекотали кончики пальцев, Мерк встряхнул ладонями и проследовал мимо старика на кухню. Внимательно осмотрел посуду, продукты в холодильнике, отодвинул пару приземистых угловатых шкафов старого гарнитура, заглянул под мойку и в другой угол – за плиту. В этой квартире не было жизни. Никакой.

Содержание

Глава 1. Капли солнца на персидском ковре	5
РАССКАЗ ГОСПОДИНА КОПИЛКИНА	10
Глава 2. Визит мертвой кошки	14
Глава 3 Тайные жители двора	22
РАССКАЗ ХМЫРЯ БОЛОТНОГО	27
Глава 4. Огневушка и ее необычный друг	31
РАССКАЗ ОГНЕВУШКИ О ЗНАКОМСТВЕ С ВЫРУСОМ	37
Глава 5 Неожиданное нападение	43
РАССКАЗ БИЛЛА ПАЛЕННОГО ХВОСТА О ЗАГАДОЧНОМ МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ледяная дорога в Миктлан **Городская повесть-фэнтези**

Василий Карасев

© Василий Карасев, 2017

ISBN 978-5-4485-3054-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Капли солнца на персидском ковре

С потолка капало солнце. Маленькие лужицы его растекались по старинному шелковому ковру и сливались друг с другом, образуя большие яркие пятна. Ковер лежал на полу и вытканые по краю цифры «1280» означали год его изготовления. Если перевести исламский лунный календарь на современный лад, то получится 1864 год от рождества Христова. Что, согласитесь, тоже немало. Как часто это бывает на старых персидских коврах, цифры были вытканы задом наперед и вверх ногами – неграмотный ткач просто скопировал написанную кем-то другим дату.

Солнечный дождь все капал и капал, падая на книжные стеллажи вдоль стен, на заваленный бумагами дубовый стол, на котором стоял неубранный с вечера кофейник и на маленькую белую мышь, подбиравшую вокруг кофейника крошки печенья...

Потолок был скошенным и прозрачным, его форму когда-то придумал большой фантазер от архитектуры – Франсуа Мансар, строивший для кардинала Мазарини и двух Людовиков. В честь архитектора прозвали и его творение – мансарда. Помещение под самым потолком, где прячутся от банальностей окружающего мира философы, поэты и влюблен-

ные. Время от времени Мерк, владелец роскошного ковра и комнаты—мансарды, бывал и первым, и вторым, и третьим.

Но сейчас он был обычным еще не проснувшимся гражданином тридцати двух лет, дремавшим в кресле—качалке под теплым серым пледом. Длинные черные волосы, смуглая загорелая кожа и борода—эспаньолка делали его похожим на интеллигентного арабского художника—каллиграфа. Утренняя солнечная капля перешла в настоящий ливень, хлынувший теплым потоком на Мерка, и он, наконец, открыл глаза и пошевелился в кресле. Белая мышь судорожно проглотила крошку и настороженно обернулась. Мерк зажмурился от яркого солнца, потянулся и, с шумом выдохнув, сбросил с себя плед. Одновременно с последними самыми сладкими мгновеньями сна.

– Здравствуй, новый день! – весело заявил он, чем окончательно перепугал бедную мышь. Та заметалась по столу, неожиданно позабыв дорогу, которой пришла. Мышь уже была не рада ни манящим запахам книжных переплетов, ни странному экзотическому аромату застывшей кофейной гущи, ни даже найденным и съеденным сладким крошкам. Панический страх перед внезапно ожившим великаном заставил ее юркнуть в проход между огромными томами Энциклопедии мифов, обежать черную шкатулку с сигарами, в ужасе шарахнуться от собственного отражения в блестящем металлическом кофейнике и, не удержавшись, свалить-

ся со стола в одну из горячих солнечных луж на персидском ковре. Оказавшись внизу, она тут же вскочила на свои тонкие белые лапки и замерла. Покрутила из стороны в сторону головой, не обнаружила за собою погони и неторопливо, вразвалочку потрусила под книжный шкаф.

Мерк с улыбкой проводил ее взглядом и лишь тогда поднялся на ноги. Приручение белой мыши было делом трудным, но он чувствовал, что скоро наступит перелом. Осталось совсем чуть—чуть.

С сегодняшнего дня у Мерка должен был начинаться арабский месяц, и внешний вид, и книги, и музыка, и даже пища, которую он вкушал, сразу же разительно изменились. Это было давнее увлечение молодого человека — каждый месяц полностью менять свой образ жизни. Вчера еще он был французом, поклонником свободы и дикой кисти Матисса, а сегодня готовил себе типично арабский завтрак из смеси коричневых бобов и чечевицы, приправленных специями и собирался музицировать на аль—уде, диковинном струнном инструменте с Востока.

Но его планы спутал почтовый голубь.

В век Интернета и сотовой связи это выглядело чересчур экстравагантно, но Мерк сторонился современных технологий. Или, что вернее, не заигрывал с ними без крайней

необходимости. В отличие от прежних технических достижений, нынешние уводили человечество все дальше и дальше в вымышленный виртуальный мир. Голубь влетел в открытую форточку и принес записку от знакомой травницы.

Травницу звали Эмилия Ивановна, ей было за шестьдесят и принадлежала она к тем немногим, кто знал, чем на самом деле занимается Мерк.

«Посетитель. Сегодня в двенадцать», – гласила записка.

Мерк остановился у большого прямоугольного зеркала, засунул записку между рамой и стеклом и недовольно поморщился. Он так хотел провести сегодняшний день в приятной компании с самим собой. Зеркало поморщилось в ответ. Оно было воспитанным и интеллигентным и никогда не строило посторонних гримас. Записка от травницы спутала планы Мерка, но... Дела есть дела. Иначе на что содержать эту мансарду, этот ковер, это зеркало, в конце концов.

Посетитель оказался пунктуален. Едва солнечные часы на скошенной стеклянной крыше показали двенадцать, как над массивной дубовой дверью весело прозвенел колокольчик, оповещая о приходе гостя. Часы Мерк соорудил сам в период своего увлечения гномоникой, древней наукой об измерении времени с помощью солнца. Специальные зеркала ретранслировали изображение часов с улицы внутрь

мансарды. Выходило загадочно и романтично, словно само время проступало тенью циферблата на одной из стен.

Гостю было под сорок – невысок, но ладно скроен, явно занимался в тренажерном зале и держался уверенно, хотя и несколько настороженно.

– Здравствуйте, – широко улыбнулся он, протягивая руку. – Господин Мерк?

– Он самый, – ответил хозяин, отвечая на рукопожатие. – Проходите, э...

– Меня зовут Василий. Василий Копилкин. Только прошу не смеяться над фамилией, а то знаете, каждый второй норовит...

Гость еще раз улыбнулся и тут же погрустнел. Они прошли в комнату, уселись за низкий гостинный столик, посетитель задумчиво обвел взглядом комнату, остановившись на тени от солнечных часов, и приступил к рассказу.

РАССКАЗ ГОСПОДИНА КОПИЛКИНА

Вот уже пятнадцать лет, как я занимаюсь торговлей недвижимостью. Думаю, не нужно пояснять, что дело это прибыльное, если обладать определенной сноровкой и иметь трезвую голову. Собственно, трезвая голова, расчетливость и определенная доля здорового цинизма с юности отличали меня от сверстников. Как вы уже, наверное, заметили, речь моя несколько старомодна – когда-то я специально тренировал эту манеру. Ну, а сейчас уже и не смогу изъясняться по иному. Человек, покупающий и продающий, не должен выглядеть легкомысленно. Считайте, что старомодность речи это мой эксклюзивный способ внушать собеседнику доверие. Она придает солидность и респектабельность, а это два краеугольных камушка, на которых строятся отношения с клиентом. Современный молодежный сленг не для меня. Один единственный «упс» или «оформлялово», нечаянно сорвавшиеся с языка, могут стоить тебе немало упущенных денег. Не говорю, что нет обратных примеров, но я выбрал для себя такую линию поведения и она себя оправдывает.

Около года назад, совершая одну из сделок, я познакомился с необычной парой: молодой девушкой и ее дедом, инвалидом, у которого парализованы ноги. Знакомство как знакомство, ввиду недостатка средств, они продавали квартиру

в центре и искали приемлемый вариант на окраине. Бедная семья, едва сводившая концы с концами. Тем удивительнее оказался мой внезапно вспыхнувший интерес к ним. Вернее, к ней. Не сразу я понял, что самым банальным образом влюбился. И вроде бы ничего особенного — красотой барышня не блистала, но было в ней нечто... нечто такое... Даже сейчас, когда мы собираемся пожениться, я не могу себе объяснить этого. До этой встречи у меня было немало женщин. Но они приходил и уходили, не оставляя никакого следа. Если бы меня попросили вспомнить их имена, я, ей—богу, затруднился бы. А имя Варвары запомнил с первого раза. Она очень необычная девушка... Знаете, я не люблю женщин—ангелов — как старый циник я им не доверяю. Но и, как это сейчас принято называть, стерв я тоже не люблю. Мне бы что-нибудь попроще и попонятнее. Варвара была не то чтобы посередине между этими двумя крайностями, она была в стороне. Ни зла, ни добра... Кое—кто назвал бы ее серостью, но я с этим не соглашусь. По-своему она очень глубокий человек. Ну, и кроме того, не скрою, мне льстило, что несмотря на солидную разницу в возрасте, я вызвал у нее определенный интерес. Причем, уверен, вовсе не меркантильный.

Все было хорошо и даже прекрасно до начала нынешней весны. Месяца два назад, аккуратно после мартовских праздников, стала Варя понемногу меняться... И опять же не могу внятно объяснить в чем это выражалось. Я бы назвал это по-

терей интереса к жизни. Она все больше молчала и все реже покидала свою квартиру, а потом и вовсе стала подниматься с кровати только для того, чтобы поесть да, извините, сходить по нужде.

Честно признаюсь, ни в какую мистику, ни в какие сглазы, ауры и отвороты я не верю. И теперь еще меньше, чем раньше. Потому что после врачей прошелся по всем экстрасенсам, магам и колдунам, которых смог отыскать в нашем городе. Сплошное шарлатанство и обман, уж поверьте, я ложь по роду своей деятельности за версту чую. Почему я в таком случае обратился к ним? Видите ли, человек я дотошный и методичный. Если уж поставил себе цель, то использую все способы для ее достижения. А тут вовсе не безразличный мне человек. Да уж на что дед у нее полный идиот, но я и его содержу!

И вот как-то на днях, в прошлую пятницу, кто-то из знакомых обмолвился при мне про одну женщину, которая лечит травами. Вернее, даже не травами, а всего лишь одним средством – настоем на березовых тычинках. Или срезках, ежели вам так понятнее. Отправился я к этой женщине безо всякой надежды, и действительно, помочь мне она не смогла. Но зато первая, кто, едва взглянув на меня, поняла, с какою бедой я пожаловал.

– Через порог свой тебя не пущу, – сказала она. – Слишком много на тебе неприятностей. Но подсказку дам. Есть один человек, который занимается всякими необычными де-

лами. Зовут его Мерк, и если он не поможет, то вряд ли справится кто-то другой. Ты сейчас вот что... Ты купи в магазине мясных косточек да раздай бездомным собакам, что во дворе найдешь. Да не скупись, без этого нельзя – жертва. А завтра с чистой душой отправляйся ровно к двенадцати к Мерку.

И дала мне ваш адрес. Вот, собственно, и вся моя история.

– И вы купили это мясо и раздали собакам? – прищурившись, посмотрел на гостя Мерк.

– Конечно, – ответил тот. – Пять килограмм.

Отвернувшись, чтобы скрыть невольную улыбку, Мерк потянулся за коробкой с сигарами. Жертва перед встречей, надо же придумать! Хитрая травница просто жалела бездомных собак. Белая мышь высунулась из своего убежища под книжным стеллажом и замерла, оценивая обстановку. Почувствовала чужого, торопливо попятилась назад и неожиданно застряла. Не понимая, что произошло, она завертелась, пытаясь освободиться, затем отчаянно рванулась вперед, вылетела из норы и со всего размаху врезалась в ножку стола.

Глава 2. Визит мертвой кошки

На теплой ладони летнего ветра танцевали листья больших старых тополей. Июнь. Впереди еще целая жизнь. И совсем не верится, что когда-нибудь придет осень, и постаревший ветер сойдет с ума, принявшись зло срывать их с ветвей.

Белые летние брюки и такая же светлая футболка, скромный подержанный автомобиль – Мерк не любил привлекать излишнего внимания – новое дело все—таки вытащило его сегодня из дома. Он, не спеша, ехал в направлении Затулинки, тихого района на самой окраине города. Впрочем, даже если бы молодой человек решил поспешить, у него вряд ли бы это получилось. Все кровеносные сосуды города в этот час были забиты бляшками пробок. Мерк не любил водить машину, даже просто ездить на этих огромных металлических монстрах не любил. Но то, что он делал – делал всегда хорошо, доводя свои навыки до совершенства. Коммунальный мост, поворот налево, темно—зеленые коробки хрущевок – здесь он работал совсем недавно. Большой город не просто каменные джунгли. Это джунгли, которые редкий обитатель знает дальше своего носа. Работа—дом, работа – дом, работа – дом – центр... Таксисты и те видят лишь фасад, внешние контуры тех мест, куда доставляют своих пассажиров. А глубоко в джунглях спрятаны тайны, о которых простой обыватель даже и не подозревает. Лишь иногда, ми-

моходом, спеша ранним утром на службу, обратит внимание на поднявшуюся над рассветными крышами стаю летучих мышей или на странные знаки, нарисованные на торце обычной многоэтажки. Не рисунки и не буквы, они не несут, казалось бы никакого смысла... Посмотрит и тут же забудет, побежит дальше. Да даже если бы и не забыл... Материалистическое сознание, наш главный критик сущего, все одно спишет загадочные знаки на очередное баловство подростков.

Несколько странных, ломанных, словно вывернутых наизнанку букв на стене трансформаторной будки, и Мерк уже знал, что это за двор и кто его обитатели. Увы, тайнопись несколько не помогла ему в разрешении загадки. Тот, кто рисовал эти знаки, вряд ли имел отношение к случившемуся.

Рыжая дворняга, гревшаяся в солнечном омуте на краю детской площадки, лениво подняла голову, посмотрела на Мерка недоверчивым взглядом и, не сочтя заслуживающим внимания, снова предалась своим маленьким собачьим мечтам. Она мечтала о том, чтобы мясник из соседнего магазина стал ее хозяином. Увы... Не всем мечтам суждено сбываться.

А двор был обычным, окраинным, разве что более чистым и зеленым, чем обычно. Под навесом из шепчущихся друг с другом кленов сидели на скамейке старики, две молоденьких мамы прогуливались вдоль подъездов, катя в коляс-

ках спящих малышей да вездесущая ребятня весело вопила, гоняясь друг за другом. И даже старые панельные пятиэтажки в этот солнечный день не казались монстрами, пожирающими по ночам своих жителей. Они просто стояли, грустно озираясь по сторонам в поисках ушедшего прошлого. Дряхлые каменные исполины почти позабытой эпохи.

Мерк настоял, что поедет к Варваре один. Просто попросил Василия позвонить ей и предупредить о визите. Вместо этого гость, немного помявшись, протянул ключ и назвал адрес.

— Она совсем не встает, — пояснил он. — Лежит и смотрит в потолок или в стену. Не откроет она на звонок.

Но Мерк все—таки позвонил. Откроет — не откроет, а входить без предупреждения это... это не по-арабски. За дверью послышался чей-то приглушенный голос, затем стих, затем снова заговорил, заворчал что-то неразборчивое. Слов было не понять, но не это более всего поразило молодого человека. Шорохи... Едва слышимые даже ухом Мерка.... Мириады хаттифнатов, крошечных прозрачных существ, скользили по стенам, покидая подъезд. Если бы в этот момент из какой-нибудь квартиры вышел обычный человек, у него непременно закружилась бы голова. Потом он объяснил бы себе это спертым воздухом, духотой и неприятным затхлым запахом, но на самом деле запахи и воздух были тут совершенно ни при чем. Мерк нахмурился, вынул

из кармана ключ и вставил его в замочную скважину.

Дверь открылась легко, послушно, без малейшего скрипа. Обнажила перед ним пустой коридор с ободранными обоями и большой кусок комнаты со стариком в инвалидной коляске. Услышав шаги, старик развернулся и, подслеповато щурясь, настороженно уставился на гостя. По словам Василия, он нанял деду пожилую няньку, и она действительно следила за стариком. Тот был одет в свежий, хотя и очень древний костюм. Пятидесятые годы прошлого века, кажется. Время, когда гангстерская мода добралась, наконец, из Чикаго тридцатых до Советского Союза: широкополая шляпа, костюм в полосу с зауженным в талии пиджаком и светлая рубаша. Из-под шляпы клочками торчали редкие седые волосы, и до полного образа не хватало только потрескавшихся лакированных ботинок и заржавевшего пистолета. Позади старика — гангстера застыл распахнутым ртом платяной шкаф, пустой и беззубый. В углу, под толстым слоем пыли, дремал старый телевизор, огромный неподъемный ящик конца восьмидесятых. Люстра с подбитым глазом лениво покачивалась под потолком, невесело роняя тени на облезлую трубу отопления и давно немытые окна без штор и занавесок.

— Лышка обои ободрала, — неожиданно зло сказал старик. — Когда не померла еще. Каждое утро когтями по стене, дура. Говорил Варьке с ейным хахалем, хорошо зарывайте, не послушались. Вот теперь и по ночам ходит. И когтями опять... когтями... Ты случайно не от Ворошилова?

– Нет, – осторожно ответил Мерк.

– Значок он мне должен, – пожаловался старик. – Ворошиловского стрелка. Так и не отдал до сих пор.

Худые морщинистые руки подхватили с колен пластмассовую тарелку с зеленым месивом – не то густым супом, не то жидкой гороховой кашей – и старик тут же потерял интерес к гостю.

Мерк неторопливо прошелся по комнате, остановился у окна – с четвертого этажа двор оказался как на ладони – и попытался сосредоточиться на своих ощущениях. Ничего. Острые маленькие иголки защекотали кончики пальцев, Мерк встряхнул ладонями и проследовал мимо старика на кухню. Внимательно осмотрел посуду, продукты в холодильнике, отодвинул пару приземистых угловатых шкафов старого гарнитура, заглянул под мойку и в другой угол – за плиту. В этой квартире не было жизни. Никакой. Ни тараканов, ни пауков, ни даже плесени, покрывающей черствый хлеб. Только сумасшедший старик и девушка в дальней комнате. За всю свою практику Мерк никогда не сталкивался ни с чем подобным.

– А Варька совсем обленилась. – послышался обиженный голос старика. – Лежит и лежит себе. Хоть бы полы помыла, паскуда. Мне значок Ворошиловского стрелка пришли вручать, а она... Варька! Вставай, коза драная!

Старику никто не ответил. Развернувшись, Мерк направился обратно в зал и вдруг резко затормозил у зеркала. Оно выглядело обычным, но едва молодой человек прикоснулся к его поверхности пальцами и, закрыв глаза, сосредоточился, как на стекле появились сизые разводы и зеркало начало стремительно изменяться. Через несколько мгновений оно было похоже на мутное ночное фото – мятое, с завернутыми скукоженными краями. Ресницы Мерка задрожали от напряжения, глаза распахнулись, в глубине неясного дымчатого стекла мелькнула и исчезла чья-то тень, а по зеркалу с громким треском пробежала глубокая трещина. Мерк отдернул руку и выдохнул. Взглянул на зеркало и выдохнул еще раз – от удивления. «Ночное мятое фото» так и застыло на стене – тусклая искореженная поверхность с трещиной посередине.

– Я доел! – сообщил из комнаты старик и, подняв руку, постучал пластмассовой тарелкой по подлокотнику коляски. Чтобы не происходило в этой комнате, но аппетита он, похоже, не растерял. Мерк подошел и протянул руку, чтобы взять тарелку. Неожиданно живо старик схватил его за футболку и притянул к себе.

– Так ты говоришь, мне дадут значок? – громким шепотом спросил он.

– Обязательно, – чуть улыбнувшись, кивнул Мерк, старик начинал ему нравиться. Он мечтал даже тогда, когда мечтать уже было не о чем.

Комната Варвары была длинной и узкой. В углу стоял точно такой же трехстворчатый шкаф, как и в зале, загораживая выключатель и левую дверцу балкона. Отчего протискиваться туда приходилось боком. У другой стены, чуть поодаль от шкафа, на низком диване, устремив отрешенный взгляд в потолок, лежала молодая девушка. Легкое летнее платье, распущенные светлые волосы и абсолютная неподвижность. Солнечный зайчик, запрыгнувший из окна в комнату, смущенно заглядывал в ее глаза, но девушке было все равно. Она не реагировала на свет. На зайчика. На вошедшего незнакомого мужчину. Мерк прикоснулся к ее плечу и тут же отдернул руку, его обожгло пустотой. Перед ним лежала не женщина – мираж, стена, подобие.

«Кто свою стену увидит, скоро помрет», – вспомнились ему неизвестно когда и где прочитанные строки.

Он вытащил из кармана маленькое стеклышко, поднес его к лицу – стекло слегка затуманилось. Девушка дышала, она была здесь, и в тоже время ее словно не было. В растерянности Мерк присел на край дивана. Мысли путались, перескакивая с одного на другое: бегство хатифнаттов, стерильная безжизненная квартира, треснувшее под его пальцами зеркало, сумасшедший старик в гангстерском костюме... Сейчас Мерк чувствовал себя обычным горожанином, которому вдруг рассказали, что в его дворе живут страшные монстры, о которых он и не подозревает. Но в отличие от обывателя,

это открытие не столько напугало Мерка, сколько увлекло. Почтовый голубь принес ему маленький кусочек тайны, а что может быть увлекательнее, чем разгадывать тайны этого мира?

Мерк поднялся с дивана, еще раз посмотрел на неподвижно лежащую стену и вышел из комнаты. Делать в квартире больше было нечего. А вот во дворе...

– Эй, парень! – схватил его за рукав старик. – Спасибо тебе.

– За что? – удивился Мерк.

– За значок. Я его до—о—олго ждал, – старик поманил пальцем Мерка, и когда тот нагнулся к его лицу, тихо прошептал. – Я знаю, что Лышка искала. Хочешь, покажу?

– Лышка это кто? – также шепотом поинтересовался Мерк.

– Кошка бывшая, – неожиданно рассердился на вопрос старик. – Ее Варька плохо закопала, я ж тебе говорил. Вот, бери.

И вытащил из кармана своего гангстерского полосатого пиджака... ахат.

– Бери, бери, мне не жалко...

Глава 3 Тайные жители двора

Талисманы, амулеты, обереги, апотропеи... Телесма у греков, тиласм у арабов, амулетум у римлян. Кремниевые удьяу – «вещь, которая сохраняет» – у египтян. Всю свою историю человек прячется от бед и несчастий, но увы... Они все равно его находят. Независимо от рас, верований и географического местоположения.

Ахат... Амулет коровы, как его называли жители долины Нила. Главное отличие амулета от оберега в способности накапливать силу. Оберег – одноразовая штука. Выполнил свою работу, отвел удар, от которого должен был защитить и рассыпался в прах. Или превратился в бесполезную игрушку, диковинное украшение. Амулет, как пылесос, всасывает в себя энергию и чем дольше он существует, тем могущественнее становится.

Золотая корова, несущая между рогами солнечный диск, лежала на ладони Мерка потемневшей от времени золотой пластиной. Древняя вещь. Сильная. Вот только диск солнца был почти черным, а это означало, что ахат сломан. Испорчен. Или... переделан. В свою противоположность – вещь, которая не охраняет, а поработывает владельца. Мерк поднял глаза на старика и увидел, что тот спит. Широкополая шляпа съехала на лицо, туловище обмякло, правая рука повисла, съехав с подлокотника. На губах старика неожиданно про-

мелькнула улыбка. Ему снилась Америка, дикая книжная Америка, Америка—вестерн – страна—образ, которой она не была никогда. Он скакал по бескрайней прерии за стадом бизонов, уворачивался от отравленных индейских стрел, возил контрабандой виски в Чикаго, крутил на пальце кольт, прежде чем выстрелить в коварного врага. Века путались меж собою в гриве времен и осыпались легкой едва заметной улыбкой на морщинистое лицо мечтателя. Мерк еще раз подумал, что старик ему нравится. И аккуратно завернув в носовой платок, положил амулет в карман.

В подъезде было холодно. Если вы встретите выстуженный холодный подъезд среди жаркого лета – значит, из него ушли все хатифнатты. Маленькие прозрачные существа, которые греются на солнце, впитывая тепло, а затем разносят его по подвалам и стенам домов. Мерк вышел из подъезда. Поправил длинные волосы, снял с расстегнутой рубашки зеркальные очки и спрятался за ними от горячих лучей солнца. Еще раз оглядел двор и, заметив в сторонке сидящего на скамье дворника, направился к нему.

Несмотря на лето, дворник был одет в телогрейку и кирзовые сапоги. Словно его дубленную высушенную кожу тоже покинули все хатифнатты. Хотя любому доподлинно известно, что ни на людях вообще, ни на дворниках, в частности, хатифнатты не водятся. Слишком много чести. Впрочем, телогрейка его была нараспашку, ворот клетчатой рубахи рас-

стегнут, а широкие брюки, больше напоминающие шаровары, завязаны куском обычной бельевой веревки. Казалось, на происходящее вокруг он не обращал никакого внимания, но Мерк знал, что это не так.

– Привет, хмырь болотный, – подойдя, поздоровался он.

Дворник пыхнул папироской и бросил на него настороженный взгляд.

– Откель знашь? – быстро спросил он.

– Знаки читаю, – насмешливо произнес Мерк, покосившись на трансформаторную будку.

– Колдун што ль? – поинтересовался дворник. – Или этот, как ево, экстраскунс?

Мерк присел на скамейку рядом с дворником.

– Экстрасенс, – поправил он. – Правильно говорить экстрасенс.

– А воняет от них гнилой магией, как от скунсов, – заупрямился дворник.

Мерк спорить не стал. Краем глаза он заметил, как из-за будки показались две расхристанных личности женского пола. На бомжихах были старые потертые кофты – на одной синяя, под цвет лица, а на другой – розовая под цвет вина, бутылку которого она держала в руках. Молодые мамы с колясками, все еще прогуливавшиеся во дворе, шархнулись в сторону, презрительно морщась и зажимая носы. Больше на бомжих никто не обратил внимания – видно, к ним давно привыкли. Маленького роста, с заостренными

скулами и впалыми щеками, они двигались прямо к Мерку. Мятые длинные юбки волочились по асфальту, подметая его не хуже дворницкой метлы.

– Все в порядке, леди, – молодой человек снял очки и с любопытством посмотрел на бомжих, едва те оказались рядом. Ишь, хозяина выползли защищать. – Меня зовут Мерк, возможно, вы обо мне слышали.

Не ответив, бомжихи присели по соседству на поребрик и принялись по очереди тянуть вино из бутылки, молча прислушиваясь к разговору. Вряд ли бы хоть один обычный городской прохожий, случись ему проходить мимо, заподозрил в них нелюдей. Однако, именно так и было. Урбанизация и рост городов коснулись не только человечества. Лешии, кикиморы, зыбочники, русалки, лоскотухи и многие другие жители лесов и водоемов вынуждены были вслед за людьми податься в эти каменные джунгли и приспособиться здесь жить.

Болотник, он же хмырь болотный, забычковал папиросу и хмуρο спросил:

– Чего надоть?

После чего ткнул кривым пальцем в сторону кикимор и добавил:

– Мои мирные все, в безобразиях не замешаны.

Имя Мерка болотник действительно слышал и, видно было, что занервничал.

– А что? – лениво спросил тот. – У вас тут безобразия

бывают?

— Да где их нет, — буркнул хмырь. — Тока это люди меж собой, мы в их дела не мешаемся. Жил у нас тут ендарь под вон тем тополем о прошлом годе, воровал по мелочи с балконов, так я его самолично взашей прогнал.

Мерк усмехнулся. Ендаря — странное существо размером с маленького кабана, питающееся воздухом и охочее до всего блестящего — наверняка прогнали за то, что не желал делиться. Вслух же молодой человек требовательно произнес:

— Мне нужно знать все об обитателях этого двора — понимаешь про кого я. И еще... — он поднял глаза и посмотрел на окно, за которым оставил старика—гангстера. — О жителях шестнадцатой квартиры. Девушка и старый инвалид.

Болотник слегка расслабился, почесал волосатую грудь под расстегнутой рубахой, выдал нечто вроде улыбки и начал свой рассказ.

РАССКАЗ ХМЫРЯ БОЛОТНОГО

Чего особо рассказывать? Я-то в городе родился. Жил ране к центру ближе, а как массив стали застраивать, так сюды и перебрался. На окраине оно спокойнее как-то. Все свои, всех знаешь. Это в центре не понять, кто такой: с другого конца города приехал или вообще нездешний, а здесь чужой идет – за ним семь глаз разом смотрят. Почему семь? Поговорка такая, батяню любил повторять. Он сам родом из Васюганья, слышал, небось? Пятьсот верст сплошных болот посреди Сибири. Рябчики, тетерева, куропатки. Рай. Ежели бы не бабкин характер... Бешеный он у меня был, чисто зверь. До поры до времени с рук сходило, пока на Лихо не нарвался. Ежели кто Лихо на болотах тронул – житья больше нет, ноги в руки и мотай, пока цел. Вот батяню и утек в город.

Помер он быстро – и полста лет не протянул, не стерпел городской жизни. А мне здесь нравится. Цивилизация. Ты не поверишь, но бывает, даже люди неплохие попадают. Особенно ежели алкаш или бомж – ну почти как родной. Жаль живут мало. А вот заумных не люблю. И старух еще – ох, и вредные оне. И то не так, и это не эдак.

Тут подо мной пять дворов, жены одна другой краше – вон смотри какие кикиморы знатные. Жить, в общем, можно. И меня в округе знают, и сам я немало. Про тебя вон слышал. Одни брешут, что ты колдун знатный, другие, что

не колдун, а просто заговор на удачу имеешь – в любом случае связываться не хочу. Двор у меня чуть не самый тихий в районе. Ежели где-то маленько и камлаю по-нашему, по болотному, то никому особого урона оттого нет. С тех пор, как эти дома построили – а это сорок лет, почитай – отродясь проблем у меня не было. Поначалу Бабай повадился ходить, не знаю, уж откель он вылез – даже от бабки никогда про живых не слышал, думал, вымерли давно. Но мы его сразу прогнали. Кривобокий, страшный – не зря им детей пугают. Я так полагаю, бабая, когда дома возводили, строители потревожили. Глазами лупает, ничего не понимает, от всего шарается – видать, заснул лет пятьсот назад, когда и людьми-то здесь еще не пахло. А проснулся – на тебе. Куда потом подался – не знаю.

Ну а после совсем уж никого—ничего. Ендаря-то я не считаю, не велика досада с открытых балконов бычки с носками по ночам собирать. А тут с год назад переезжает в шестнадцатую семейка чудная – калека старый, внучка его и кошка. По бедности, значит, в центре квартиру продали, здесь взяли. Поначалу я особого внимания не обратил. А пару месяцев назад кошка у них сдохла. Да как-то неправильно сдохла, нехорошо – плоть сгнила, а дух остался. Мои бают, что видели, как призрак ее по ночам по двору ходил, словно искал что-то. Ищет—ищет, а потом сядет на задние лапы и давай выть. Люди-то не слышат, а у кикимор мороз по коже. Несколько ночей приходил, а месяца два назад запропал вро-

де. Думали, упокоился, ан нет. Возвернулся недавно. Я так думаю – мстить. Потому как нечисто здесь дело, нет у зверья духа такого, как у людей или малых народцев, не могут они призрачничать – их дух сразу с плотью умирает. Ежели мое мнение хошь знать, тут без колдовства не обошлось. Но хоть пнем по голове чеши – не чую магии.

И с девчонкой странность есть какая-то, а в чем не пойму. Вроде как стержня в ней нет – не знаешь чего ждать. И не так, что сегодня святой, а завтра с чертями на пиру, а вообще никак. Не могу объяснить. Но ежели колдовство над кошкой было, так больше некому. Может книг девчонка черных начиталась... А по книжкам да без опыта – отдачей потом так шарахнет, костей не соберешь. Вот и скрутило – которую неделю из дома не выходит.

Одно могу сказать, мои тут ни причем. За жен своих бородой ручаюсь, скромницы они у меня. Эти двое – Халька и Хирка – из домашних кикимор, не боятся людей, а Хенка, молодшая, из лесных. Тока по ночам во двор и вылазит. Так что если услышишь слух от кого из местных про Темного Бомжа, который ходит по ночам и пьет кровь, не верь. То Хенка моя, и про кровь выдумки все. Страшилки.

За тем вон домом котлован уж лет пять как вырыт, так там среди битых кирпичей кадьница живет. Сам знаешь, безвредная тварь – обитает среди камней да венки из васильков летом плетет. Дура круглая, читать и то не умеет. В баках мусорных – ледащий. Слышал про таких? В деревнях они

в скошенной соломе живут, спят цельную зиму и очень недовольны, когда весна приходит. Ну, мой тоже... целыми сутками дрыхнет. Бедняки, правда, его достают – ну, которые по мусорным бакам шарят. Да от мусорной машины придется уходить. Один раз не проснулся – аж на свалку увезли. Но не прижился там, вернулся. Ну и мокруха туда—сюда шляется. Где сядет – мокрое пятно остается. Еще одна дура, с ней и поговорить не о чем. Ну а про остальных и говорить не буду – мелочь пугливая....

Хмырь развел руками, отобрал у одной из жен бутылку, в которой пойло никак не заканчивалось – и сделал добрый глоток. Выдохнул, утерся рукавом телогрейки и вопросительно посмотрел на Мерка.

Глава 4. Огневушка и ее необычный друг

Спасаясь от назойливых ласк солнца, Мерк нырнул в машину и включил кондиционер. Неужели девчонка действительно изучала черные книги? Погасшее зеркало, призрак мертвой кошки, ушедшие хаттифнаты.... И переделанный амулет, историю которого еще предстоит выяснить.

Заведя машину, Мерк выехал из двора и влился в плотный поток машин. Движение было настолько медленным, что казалось, это машина стоит на месте, а мимо нее неторопливым прогулочным шагом проходят здания, торговые палатки и светофоры. Семянт мелкой походкой афишные тумбы, проползают, крепко держа свои столики, летние кафе и высотки из стекла и бетона осторожно ступают на землю, внимательно смотря под ноги, чтобы не раздавить мельтешащих повсюду пешеходов.

Во дворе, куда часа через два добрался Мерк, его хорошо знали. Едва он вылез из машины, как рыжеволосая девчонка лет двенадцати, прыгавшая через скакалку, подскочила к нему и радостно заулыбалась. Мерк улыбнулся в ответ, достал из машины приготовленный кулек с конфетами и протянул девчонке.

– Благодарствуйте, – заявила та, жадно выхватывая кулек.

Девчонку эту так часто видели во дворе, что давно не обращали на нее внимания. Но если бы жителей двора спросить, чья она и в какой квартире живет, никто из них на этот вопрос не ответил бы. Потому что девчонка и вовсе не жила ни в какой квартире. Последние лет пять она ночевала на давно заброшенной стройке по соседству.

Мерк осторожно потрепал ее по затылку. Девчонка... а вернее Огневушка, прикидывающаяся ребенком, замурлыкала от удовольствия.

– Ты надолго? – спросила она.

– Нет, – вздохнул Мерк. – С Вырусом поговорить приехал.

– Вечно с Вырусом, – тут же надулась Огневушка. – Вот не поведу тебя домой, будешь знать!

Но домой, а если точнее, на заброшенную стройку, все же повела. Мимо пятиэтажки, затем за угол, мимо разросшихся кленов, между двух неплотно пригнанных плит забора... Плиты украшала бордовая загогулина – знак огня и того, что это место обитания занято. Под знаком ломанная зеленая линия со стилизованной цифрой «три» указывала на количество обитателей. На самом деле Огневушка лукавила: жила она здесь одна, не считать же дворового рыжего кота за разумное существо. Третьим был Вырус, но... Вырус и вовсе не был «существом».

У заброшенных новостроек нет прошлого. Нет счастья,

боли, обид, встреч и расставаний. Шумных скандалов. Планов на будущее. Поцелуев на лестничной площадке и долгих разговоров на кухне. Материнской любви и отцовского гнева. Протекших потолков, купленной мебели, веселых застолий и тоскливого одиночества. Новостройки никогда не были жилыми. Все их прошлое – не свершившееся будущее. Дом без прошлого никому не интересен. Здесь не живут даже хатифнатты, самые неприхотливые из низших существ. А тем, кто питается былым человеческих теплом и оставшимися эмоциями и вовсе нечего делать на заброшенной новостройке. Замороженная лет двадцать назад стройка учебного комплекса поросла бурьяном и кленами—подростками, постепенно превращающимися в настоящие деревья. Пройдя мимо старой бетонной плиты с вылезшей ржавой арматурой, Мерк и Огневушка вошли в здание и направились на третий этаж. Весело пересказывая последние события, случившиеся во дворе, девчонка прыгала со ступеньки на ступеньку, хитро поглядывая на идущего следом Мерка. Но у входа в большое просторное помещение резко затормозила и смолкла. Начиналась их постоянная игра под названием «Сможешь ли ты войти?»

Мерк огляделся. Ни следов, ни тайных знаков не было видно. Но помещение, с лестничной площадки казавшееся пустым, явно было защищено. От непрошенных гостей, случайных и нет. Что же такого придумало это рыжеволосое чудо на этот раз? Мерк прислушался к своим внутренним ощу-

щениям и понял, что ему совершенно не хочется входить в этот пыльный, пустой, никому не нужный зал. Отворот? Но каким образом? Довольная улыбка на лице Огневушки вытянулась до ушей – кажется, впервые она смогла переиграть самого Мерка. Он, однако, не торопился признавать поражение. Медленно прошелся вдоль лестничной площадки, приблизился к пустому глазу оконного проема и тут же резко отшатнулся. Со ржавой пожарной лестницы на торце здания в помещение запрыгнул большой дворовый кот. Проигнорировал гостя и уселся в углу вылизывать свою шерсть. Так, а что это рядом с котом? В углу, в куче старого строительного мусора лежал высохший цветок чертополоха. Мерк наклонился, поднял его и широко улыбнулся. На цветок был намотан тонкий рыжий волосок. Молодой человек осторожно снял его, положил на ладонь, прошептал несколько слов и дунул. Волосок поднял в воздух и... рассыпался маленькими огненными искорками. Огневушка сразу помрачнела.

– Это Мурз виноват! – надувшись, заявила она. – Если бы не он, ты бы никогда внимания не обратил!

Спорить Мерк не стал. Потрепал девчонку по голове и вошел в зал. Чертополох —растение непростое. Считается, что он защищает мир от зла и растет только в местах нехороших, недобрых. В древние времена даже о людях судили по тому, растет рядом с их домом это растение или нет. Интересно, где девчонка его взяла? Но спрашивать Мерк не стал. После того, как защита была снята, зал предстал перед ним

совсем в ином обличье. Наполнился старыми, но добротными вещами: аккуратно зашитым кожаным диваном, парой высоких стульев, шкафчиками, тумбочками, полочками на стенах. В углу стояла большая железная печка—буржуйка. Печка была почти новая: покрытая чуть потрескавшейся зеленой эмалью, с хромовыми ручками и массивной дверцей со стеклом, закрывающей пылающий огонь. Стекло, правда, было давно выбито, но маленькой повелительнице огня глупо бояться пожара. Единственное, чего нигде не было, так это книг. Ни книг, ни журналов, ни даже газет бесплатных объявлений. Зато прямо посередине зала на полу, застеленном вытертым, но чистеньким рукодельным ковриком, стоял... ноутбук. Самый настоящий ноутбук последнего поколения. Мерк никогда не спрашивал, откуда он появился у его знакомой. Да она и не разбиралась в компьютерах. Просто в этом ноутбуке жил ее лучший друг – Вырус. Единственная известная Мерку разумная нечеловеческая сущность из виртуального мира. Впрочем, сам Вырус утверждал тоже самое – во Всемирной сети нет иного разума. Только бездушные боты, программы, вирусы...

Огневушка уже повеселела. Она вообще не могла долго грустить и обижаться. Закидала Мерка вопросами, жадно впитывая новости, о которых он рассказывал. Подивилась пересказу истории о кошке—привидении, пожаловалась на бабку из соседнего дома, которая гоняет Мурза со своего балкона, и долго не хотела вызывать Выруса. Соб-

ственно не то, чтобы не хотела, просто это был еще один привычный ритуал – Мерк упрашивает, а она вредничает. Ведь ни на чей другой зов Вырус не появлялся: несмотря на свой ершистый нрав, он был очень привязан к девчонке. Истории знакомства этой странной парочки не знал ни Мерк и никто другой. Огневушка никому никогда не рассказывала об этом, хотя если бы она решилась....

РАССКАЗ ОГНЕВУШКИ О ЗНАКОМСТВЕ С ВИРУСОМ

Когда выглядишь как девчонка—подросток, никто не относится к тебе всерьез. Выжить среди людей это помогает, а вот жить с ними... И—эээх! А что я могу поделаться? Я родилась в этих трущобах, чтоб их ламбтонский червь слопал. Если я разрешу себе расти дальше, то скоро начну оставлять следы – выжженную траву и черные пятна на асфальте. И мне придется прятаться ото всех людей, а может быть даже бежать из города. Не хочу! Меня однажды возил Мерк за город – не хочу. Не нравится мне.

Мерк красивый! И бородка эта ему чудо как идет. Вот только и он со мной как с ребенком.... Увижу когда-нибудь женщину с ним – глаза ей выжгу. Да—да, именно так, возьму и выжгу. Я все равно придумаю, как мне вырасти, а он пускай ждет пока. А вот когда вырасту, передо мной даже Мерк не устоит со всем своим колдовством. Или не колдовством? Разное говорят, а он в ответ только улыбается.

Ой... я ж про то, как мы с Вирусом познакомились! Это позапрошлой зимой было. Мерк, может, и колдун, а коловертыша от кота не отличит. Думает, Мурз наш обычный. Ага, как же! У всех коловертышей, будь они зайцы, кролики или коты, во рту есть большой зоб. Мама рассказывала, что раньше эти существа были первыми помощниками ведь-

мам. А в зобу переносили всякую отраву, из которой те зелье варят. Коловертышы живут доо—о—олго! Нашему Мурзу уже лет сорок, а то и больше. А на вид обычный драный кот из подворотни. Он-то меня с Вырусом и познакомил.

Помню, после Нового года была как-то жуткая метель.. Ну, я сижу на окне, семечки щелкаю, ногами болтаю – на метель люблюсь. И вдруг из этой белой тьмы выпрыгивает Мурз: шерсть дыбом, глаза пятаками, словно за ним шишига гонится. Любопытно мне стало! Пойдем, говорю, бездельник, посмотрим, кто тебя напугал. Огня из печи в ладошки зачерпнула, чтоб посветлей было, и пошла за Мурзом. На улице – ни одного живого существа, все по квартирам от бури попрятались. Ветер воет, искры с ладоней сыпятся – толку от огня никакого, и вдруг, около мусорных баков слышу громкий металлический голос:

– Ужос... ужос....оне съели мой мосх....

В первый момент мне от этого скрипучего голоса самой страшно стало! Неживой голос, ненастоящий. А Мурз, наоборот, успокоился, понял, что шишигой тут и не пахнет, подошел поближе к мусорным бакам. Но тут голос как заорет:

– В Бобруйск, животное! В газенваген!

Мурз вздрогнул да как рванул оттуда.

А я осталась и познакомилась с Вырусом. Он, бедняга, тогда попал в ловушку, и его выбросили на помойку вместе со старыми компьютерными железяками. Дело в том, что Выруса на самом деле не существует. Сам себя он называ-

ет единственным в мире сетевым виртуальным разумом. Как такое возможно я не понимаю, но пусть у него нет тела, пусть половину его слов невозможно понять, пусть живет он в каком-то чемодане с экраном и никогда не показывается оттуда – все равно он мой самый лучший друг!

Да, если бы Огневушка решилась, то рассказала бы вот такую странную историю о дружбе девчонки, которая боится взрослеть и виртуальной сущности, неожиданно осознавшей себя разумной.

– Картинки не грузяццо? – насмешливо спросил Вырус в ответ на приветствие Мерка. Перевести это можно было приблизительно так: «ну и какая на этот раз проблема?»

Мерк уселся на низкий маленький диванчик без ножек, вытянул ноги, принял от Огневушки кружку с холодным квасом и поинтересовался:

– Что ты знаешь о животных—призраках? Желательно о кошках.

– Убищавеником, – хмыкнул Вырус и смолк. Но молчал недолго, всего несколько секунд. А затем вдруг заговорил на нормальном человеческом языке. – Представляешь, собака Баскервиллей вовсе не выдумка! Ну, то есть она-то как раз выдумка, но в Англии испокон века верили в Черных собак. Извергающие пламя призраки размером с небольшого быка. Вроде бы у каждого колдуна была такая собака—сторож, чтобы не упустить его душу, когда колдуну придет вре-

мя умирать.

– Какой вздор... А кошка?

– Не мельтеши... Есть и кошки. Тоже черные. Вот тебе случай: некий хозяин, переезжая, забыл в старом доме кошку. Новый дом вскоре сгорел вместе с хозяином, а брошенная кошка, не найдя новый дом была обречена на вечное скитание по свету.

– Больше похоже на обычную байку, – поморщился Мерк.

– В Ашхабаде в ночь перед страшным землетрясением 1948 года одной из женщин явилась умершая год назад кошка и начала отчаянно мяукать. Женщина последовала за ее призраком, вышла из дома во двор, и тут же началось землетрясение, погубившее более ста тысяч человек. Дом этой женщины был разрушен в первые же минуты, а она сама спаслась лишь благодаря призраку кошки.

– Призраки—спасители?

– Не только. Мстители тоже. В Питере был случай. Двое школьников сбросили кота с двенадцатого этажа. А затем добили его палкой. Через несколько дней он явился им на пригородной платформе в момент приближения поезда. Увеличившись в размерах, прыгнул на одного из мальчишек, и тот, оступившись, упал с платформы и погиб под поездом.

Вырус выжидаяще замолк, но Мерк кивнул головой в светящийся глазок вэб—камеры – продолжай. И тут же на него обрушилось множество похожих случаев со всех концов планеты. Животные—призраки оказались не такой уж редко-

стью. Вот только...

– Ты сам-то веришь во все это? – спросил он, внимательно выслушав все рассказанное Вырусом.

– Рваный канадский баян, – хмыкнул тот, возвращаясь к своему привычному жаргону. – Гармошко для блондинко.

Мерк бросил на «чемодан с экраном» долгий внимательный взгляд.

– Не знаю, что ты сказал, – улыбнувшись, произнес он. – Но, кажется, я тебя понял.

И вытащил из кармана амулет.

– Готично.... – изумился Вырус. Ахат с потемневшим солнцем произвел на него впечатление. – Испорченный амулет коровы... Ты в теме, что египтяне их мумиям под башку клали? Чтоб, значит, тепло было по дороге во дворец Осириса.

– Я в курсе, – кивнул Мерк. – Ты мне лучше найди про то, кто, как и когда взламывал подобные амулеты. А главное – для чего.

Он оторвался от ноутбука и поискал глазами Огневушку. Она сидела в углу комнаты, поджав по-турецки ноги, и наблюдала за Мерком. Мерк весело подмигнул ей, но девчонка неожиданно вскочила на ноги и стремительно выскочила из комнаты. Молодой человек проводил ее недоуменным взглядом: неужели обиделась? И на что? Однако тут его отвлек Вырус, и он позабыл об этом странном эпизоде. А Огневушка в это время стояла в оконном проеме лестничного

пролета и, закрыв глаза, ловила ветер. Слишком горячо... Она чуть не вспыхнула от случайного взгляда Мерка.

Как ни странно, но с амулетом Вырус ничем помочь не сумел. Не было такой информации. Они долго обсуждали, кто и зачем мог его взломать, но так ни к чему и не пришли. А затем Мерк взглянул на часы и сообщил, что ему пора идти. Хотел попрощаться с девчонкой, но Огневушки нигде не было видно.

Глава 5 Неожиданное нападение

Машину Мерк загнал на стоянку. Солнце по-прежнему выжигало асфальт, но кто-то уже повесил на горизонте несколько маленьких черных тучек, и они медленно ползли в сторону города, негромко переругиваясь между собой. Было душно. Перед хорошим ливнем всегда становится душно. Даже легкий ветерок, весь день гулявший по городу, притомился и заснул на солнцепеке в одном из маленьких уютных дворики. Скоро его разбудят первые тяжелые капли дождя, а пока на улицах царило полное безветрие. На ветках тополей, посаженных вдоль улицы, томились от жары листья, и прохожие старались держаться тени, впрочем, такой же раскаленной и душной. Лишь обнаженные по пояс трудяги в начале проулка, ведущего к дому Мерка, работали, не покладая лопат. Они рыли траншеею, чтобы заменить участок трубы на теплотрассе, и оттого подъехать к дому было невозможно уже вторую неделю.

Но едва Мерк ступил на проезжую часть, как цепочка на руке неожиданно больно кольнула запястье. Он резко затормозил. Вокруг ничего не предвещало неприятностей. Вялая тишина жаркого летнего дня, полупустая улица и сонные тополя в вырезанных из асфальта земляных квадратах. И все же своей старой цепочке Мерк доверял. Что-то долж-

но было случиться. Он сделал несколько шагов, настороженно озираясь по сторонам, и все равно оказался не готов. На проезжей части внезапно появился несущийся на бешеной скорости грузовик. Лобовое стекло машины было выбито, и Мерк успел заметить за рулем старуху с развивающимися седыми волосами и безумным взглядом. Она хохотала. Казалось, столкновение неизбежно, машину и человека разделяло всего несколько метров — не отскочить, не отпрыгнуть, но Мерк все же сумел. Вывернулся из-под колес, упал, перекатился к тротуару, обжигая содранные ладони об асфальт, и лишь потом посмотрел на дорогу. Грузовика не было.

Какой-то бородатый гражданин с ребенком лет восьми подошел к молодому человеку, помогая подняться.

— Вы видели? — ошеломленно спросил его Мерк.

— Чего видели? — спросил тот.

— Грузовик? Со старухой за рулем?

Бородатый отпил из бутылки хороший глоток пива и насмешливо посмотрел на Мерка.

— Пить тебе меньше надо, — хмыкнул он. — Какие машины? Здесь уже вторую неделю как перекопано. Пошли, сын!

И, взяв мальчишку за руку, неспешно зашагал по тротуару.

Уснуть после случившегося было совершенно невозможно. Мерк сидел в кресле—качалке, слушал как добравшийся

до города дождь настойчиво стучит в окна мансарды и никак не мог отыскать ответ, кого он так напугал. Кто настойчиво предупреждал его, что не следует ввязываться в дело Девушки с призрачной кошкой? Из-под шкафа выглянула любопытная мордочки мыши и замерла, внимательно наблюдая за раскачивающимся в кресле великаном. Уходя из дома, Мерк расширил ее норку, и теперь застрять было весьма и весьма затруднительно. Может быть, она поняла это, может, просто пришло время и усилия Мерка по приручению маленького белого грызуна стали приносить первые результаты, но мышь посеменила по старинному ковру и неожиданно забралась по штанине молодому человеку на колено. Он приоткрыл один глаз и, стараясь не шевелиться и не спугнуть свою нечаянную гостью, просто улыбнулся. Но улыбка все же напугала маленького зверька, он развернулся, соскользнул со штанины и стремительно полетел вниз на пол. Но, упав, не убежал. Лишь недовольно повел мордочкой и отправился по более привычному маршруту – на стол с книгами и мелкими орешками кешью, выросшими на далеком Малабарском берегу.

«Нужно будет сходить в библиотеку», – подумал Мерк, наблюдая за мышкой, суетливо выискивающей остатки кешью среди больших толстых книг. – «Интернет интернетом, а старые добрые книги еще не все перекочевали из реального мира в выдуманный». Но это, пожалуй, следует сделать завтра. После встречи с заказчиком. Как все—таки хорошо, что

в доме нет телефона! Ни в доме, ни в кармане, нигде... Почтовые голуби сегодня куда надежнее слов, сказанных в пустоту, никто не обратит на них внимания.... Глаза Мерка снова закрылись, и он все—таки задремал под уютный шепот дождя.

После грозы город повеселел. Он стал похож на мальчишку, которого окатили на Ивана Купала. По тротуарам текли ручьи, заставляя прохожих прыгать с одного незатопленного островка на другой, автомобили поднимали тучи брызг, форсируя лужи, а жители домов открывали окна, впуская свежий воздух в душные от летней жары квартиры. Мерк прыгал вместе с остальными. Это сандалии Гермеса могли переносить того по воздуху, да еще и со скоростью мысли. В отличие от греческого бога, Мерк покупал свою обувь в обычном магазине. Оттого уже на третьей луже его сандалии зачерпнули кормой воды, и как он ни старался, изображая городской подвид кенгуру, продолжали черпать и дальше.

Мерк пересек широкую улицу, опасливо поглядывая по сторонам, и невольно залюбовался попавшейся навстречу девушкой. Держа туфли в руках, она шла босая по лужам и весело улыбалась. Прошедшей грозе и падающему за дома вечернему солнцу. Отряхивающимся от капель деревьям и смешным кузнечикам—прохожим. Распахнутым окнам и нарисованному на стекле булочной румяному хлебопеку. Улыбнулась и Мерку.

Он счел это хорошим знаком.

Хороший знак порою важнее амулетов.

Во дворе, где жила девушка господина Копилкина и ее полусумасшедший дед, ничего не изменилось. Даже Хмырь сидел в той же позе на той же скамейке. Будто и не уходил никуда, а, впрочем, может, и действительно не уходил. Хмыри обожают дождь и влажность. Мячик солнца еще не долетел до горизонта, но час—полтора, и город медленно утонет в летней лунной ночи. В отличие от Огневушки и большинства других нелюдей, Хмырь устроился в городе по-царски. Имел человеческие документы, работу, маленькую однокомнатную квартирку на первом этаже хрущобы и даже личный автомобиль — подобранный на свалке горбатый «Запорожец». Ездил без прав и документов на машину, но ни разу никому не попался под полосатую палочку. Едва они расстались с Мерком в полдень, как Хмырь тут же принялся наводить справки о молодом человеке. Потому как слухи слухами, а точная информация завсегда лучше. И послал одну из своих жен за Бродячим огоньком.

Проныра и всезнайка по прозвищу Билл Паленый Хвост был существом любопытным, многословным и восторженным. Днем он был почти не замечен, и его запросто могли спутать с солнечным зайчиком. А ночью перелетал от одного фонаря к другому, прячась в их желтом неживом свете.

РАССКАЗ БИЛЛА ПАЛЕНОГО ХВОСТА О ЗАГАДОЧНОМ МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Все—таки нам нужна своя радиостанция, Хмырь! Писать на гаражах и зданиях.... Знаешь, это неэстетично. И, кроме того, если хочешь знать мое мнение, не у всех элементарно есть руки. Или язык. Возьми хотя бы хатифнаттов – милейшие существа, если разобраться. Ты в курсе, что они оставили один из подъездов? Вот так взяли и ушли всей колонией? Да, ты можешь сказать, что слушать о хатифнаттах никому не интересно, но... Что, Мерк? Какой Мерк? Ах, Мерк! Ну, конечно же, знаю. В печальное время мы с тобою живем, Хмырь, в очень печальное. Вчера в Затоне умер последний межевик. И ты знаешь, кто пришел проводить его по последней меже? Никто! Ни единого нелюдя! Так и ушел он с бородой из колосьев... Мерк? Многие считают его колдуном. У него в мансарде есть солнечные часы, представляешь? Настоящие! Я, между прочим, и лично с ним знаком, да. Я ему в прошлом году в подземельях городского театра светил. Ох, и славная вышла прогулка! Мы искали Тень отца Гамлета. Шучу—шучу. Ему нужны были какие-то надписи на стенах. Ты скажешь, одно это доказывает, что он не колдун. Не надписи, конечно, а то, что он пригласил меня светить. Колду-

ну, мол, не нужны Огоньки, чтобы ходить по подземельям. Не факт, друг мой Хмырюшка, не факт! В печальное, повторюсь, время мы живем. Маги и волшебники вынуждены скрываться от мира. Конспирация! А странный это молодой человек, клянусь бородой усопшего Межевика, странный. Отшельник. Живет чуть ли не на крыше, весь дом древними книгами завален. И на руке браслетик непростой. С виду дешевка, да только меня не проведешь. Магическая вещь. Старинная. Об этом Мерке каких только слухов не ходит. Но если Мерк объявился на нашем краю города, то я буду рад снова с ним поработать. Чтобы этот молодой человек не затевал. И это главное, что я могу рассказать тебе о нем. Что же ты мне все—таки скажешь насчет радиостанции, друг мой? Ведь, считай, ведущий у тебя уже есть! Понял, понял... Не пришло еще время революционных идей. Ну, тогда я полетел. У меня еще, знаешь, сколько дел сегодня? Тех проведай, с теми переговоры. Но вечером обязательно вернусь, очень уж любопытно, что там Мерк затевает... А ты пока насчет радио подумай. К тебе прислушаются, ты же Хмырь! Нынче в мире ежели кого и слушают, так только хмырей....

Когда Мерк вернулся во двор, где жила Варвара, был уже поздний вечер. Теперь он со своим старым знакомым Биллом Паленым Хвостом сидел на плоской битумной крыше хрущевки и ждал наступления ночи. Собственно, сидел Мерк, а Бродячий Огонек беспокойно кружился рядом, опе-

чаленный категорическим запретом на разговоры. Дворник на крышу не полез. Хмыри вообще плохо переносят высоту, а уж скакать по крышам домов на виду у своих жен было бы просто опасно для чувства собственного достоинства и инстинкта самосохранения. Дворник прохаживался внизу, неторопливо подметая асфальт от сигаретных окурков, автобусных билетов, мятых банок из-под пива и прочего мелкого мусора и вслух размышлял о странном парадоксе: чем более развитым становится человеческое общество, тем больше оно напоминает помойку. Впрочем, таким был только смысл размышлений, словесной же их форме, увы, совсем не место на страницах книги.

Первые хрущевки имели шиферные и даже черепичные крыши, однако, очень быстро это было признано ненужным архитектурным излишеством. И крыши панельных пятиэтажек приняли привычный для современных горожан плоский вид. Низенькие чердаки с вентиляционными отверстиями словно специально строили для голубей и воробьев: засыпанные изоляционным материалом, они были недоступны для кошек. Птицы гнездовались и в доме, на который поднялся Мерк. Однако, к удивлению Билла, они совершенно не отреагировали на появление молодого человека. Спокойно занимались своими делами, вылетая из вентиляционных труб или расхаживая по крыше. Более того, Мерк не скрывался и от людей. Они тоже не обращали никакого внима-

ния на сидящего на крыше человека, что-то задумчиво записывающего в блокнот. Вечер уже проглотил солнце, в квартирах зажглись окна, а на улицах фонари, но людей во дворе было еще много. Компания подростков громко смеялась, стоя у последнего подъезда. Подъезжали автомобили, стараясь втиснуться между себе подобными на маленький асфальтовый пятачок. Кто-то выпустил собаку, которая радостно носилась по опустевшей детской площадке и громко лаяла на прохожих. Мерк не обращал на происходящее никакого внимания. До полуночи был еще целый час, и он сочинял поэму в стиле касыды, одного из почти забытых жанров средневековой бедуинской поэзии. Поэма никак не складывалась. Слова и образы пугливо разбегались, едва чувствуя постороннее касание, и Мерк начинал злиться на самого себя. Казалось бы, вечер, крыша и неизвестное приключение впереди – что еще нужно для настоящего поэта? Он внезапно успокоился и едва заметно улыбнулся. Что еще нужно? Наверное, влюбленность... Затем посмотрел на беспокойные передвижения Билла Паленого Хвоста – терпит, молчит – захлопнул блокнот и принялся внимательно осматривать двор. Подростки уже исчезли, собаку загнали домой, машины полнотью забили все свободные места, и лишь дворник никуда не ушел. Сидел на своей любимой скамейке и курил папиросу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.